УДК 294.3
DOI 10.30792/2949-5768-2025-10-93-97

Л. Е. Янгутов

# БУДДИЗМ И ГОСУДАРСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье рассматриваются принципы взаимоотношения буддизма с государственной властью в странах Центральной Азии – Тибете, Монголии и восточной части России – Бурятии, роль государственной власти в популяризации и становлении буддизма в этих странах. Анализируются взаимоотношения буддизма с местными верованиями, раскрываются причины успеха буддизма. Показаны роль принцессы Вэнь Чэн в распространении буддизма в Тибете, значение политики Алтан-хана в Монголии по объединении монгольских племен, сыгравшей огромную роль в утверждении буддизма в Монголии, а также деятельность царского правительства, поддержавшего буддизм среди бурят.

*Ключевые слова:* буддизм, религия, государство, власть, политика, культура.

L. E. Yangutov

# BUDDHISM AND STATES IN CENTRAL ASIA

The article examines the principles of the relationship between Buddhism and state power in the countries of Central Asia – Tibet, Mongolia and the eastern part of Russia – Buryatia. The role of state power in the spread and development of Buddhism in these countries is considered. The relationship between Buddhism and local beliefs is analyzed, and the reasons for the success of Buddhism are revealed. The role of Princess Wen Cheng in spreading Buddhism in Tibet, the importance of Altan Khan's policy in Mongolia to unite the Mongolian tribes, which played a huge role in establishing Buddhism in Mongolia, as well as the activities of the tsarist government that supported the spread of Buddhism among the Buryats are shown.

*Keywords:* Buddhism, religion, state, power, politics, culture.

С самого начала своего проникновения в Тибет буддизм встретил мощное сопротивление местной религии бон. При непосредственной поддержке государственной власти в период формирования тибетского государства в VII в., основателем которого считается Сронцен Гампо[1], произошло утверждение буддизма. Это был период, когда в соседнем танском Китае, с которым у тибетских племен сложились непростые отношения, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями, были окончательно определены отношения буддизма и государственной власти. Танские правители превратили буддизм, наряду с традиционными конфуцианством и даосизмом, в одно из действенных средств государственного управления не только

Янгутов Леонид Евграфович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия).

[1] Существуют две разные версии, датирующие его годы жизни: 617–698 и 629–710.

внутри страны, но и за ее пределами. Мирное сосуществование двух соседних стран привело к развитию буддизма в Тибете. Принцесса Вэнь Чэн, согласно традиции, во многом способствовала его популяризации в Тибете и строительству храма Рамоче [Будон 1999: 249]. И не случайно Тибет первоначально принял буддизм в китайском варианте. Однако, несмотря на ее усилия, окончательное его утверждение связано с той комплексной программой, которую выработали тибетские цари. В нее входило «приглашение высокообразованных буддийских миссионеров, строительство храмов и монастырей, внедрение реформ, способствовавших формированию буддийской сангхи» [Гулгенова 2016: 25]. Огромное значение для развития буддизма имело приглашение в Тибет знаменитых буддийских деятелей Шантаракшиты (ок. 705– ок. 762 / ок. 765 – ок. 779) и Падмасамбхавы (ок. 707–765), приглашенных тибетским царем Тисрон Деценом (755–797), при котором в 781 г. он стал государственной религией. В Тибете параллельно сосуществовали две традиции – китайская и индийская, которые за пределами Китая выступали в качестве культурного моста выстраивания выгодных для Китая отношений с соседними странами.

Необходимо отметить, что наряду с насаждением культурных ценностей китайская дипломатия еще со времен империи Хань активно использовала брачные союзы между царствующими домами. В лице принцессы Вэн Чэнь оба эти фактора были успешно реализованы. Заключенный брачный союз между одной из дочерей императора Тайцзуна (627–650) с правителем Тибета имел огромное значение как для Китая, так и для Тибета, позволивший противостоять друг с другом. Китайское направление возглавлял Хэшан Мохэянь (和尚摩訶衍), известный в научной литературе как Хэшан Махаяна. Однако, скорее всего, это не его подлинное имя. Хэшан (和尚) с китайского языка переводится как «буддийский монах», а Мохэянь – это транскрипция с санскрита понятия «махаяна». Вероятно, Хэшан Мохэянь (和尚摩訶衍) означал «монах Махаянского направления». Как сообщает Р. Будон: «Китайский Хэшан и другие занимались практикой медитации. Число учеников китайского Хэшана Махаяны увеличилось» [1999: 253]. Хэшан проповедовал в Тибете принципы чань-буддизма, декларирующего мгновенный путь достижения нирваны. По свидетельству Будона: «Тибетцы по большей части находили удовольствие (в таком понимании Учения) и изучали систему (Хэшана)» [Там же]. Однако «некоторые другие, которые придерживались системы Ачарьи Бодхисаттвы, не согласились (с Хэшаном) ни в теории, ни в практике, и (между приверженцами этих двух направлений) возникла ссора» [Там же: 253–254]. Ачарьей Бодхисаттвой в Тибете называли Шантаракшиту. Таким образом, было налицо противостояние приверженцев китайского направления буддизма и индийского. Спор между этими двумя направлениями был решен в знаменитом диспуте в монастыре Самье между Хэшаном Махаяной и Камалашилой, представлявшим индийское направление буддизма в традиции школы мадхьямаки. Этот диспут имел огромную значимость для дальнейшего развития буддизма в философской и сотериологической сферах [Ruegg 2010: 253]. В философской сфере стало преобладать учение Нагарджуны, в сотериологической – постепенный путь спасения.

В дальнейшем политическая история буддизма в Тибете была связана с формированием тибетских школ, включившихся в междоусобную борьбу за власть среди

аристократического кланов Тибета. Наиболее заметными в политическом контексте стали школы сакьяпа и кагьюпа, которые представляли интерес тех или иных групп, активно использовавших буддизм в своих притязаниях на власть. В этой обстановке происходило сращивание религии и политики, которое создавало предпосылки становления теократического государства [Гулгенова 2016: 37–38]. Окончательное формирование теократического государства связано с образованием школы гелуг.

Тибетский буддизм с его вовлеченностью в процессы государственного управления оказал огромное влияние на политическое и социокультурное развитие Монголии. Достаточно сказать, что Монголия приняла буддизм в форме тибетской школы гелугпа. Вовлеченность буддизма в политический контекст интересов государственной власти началась в период правления Алтан-хана (1507–1582), стремившегося создать единое могущественное монгольское государство. Однако кочевой образ жизни монголов, господство натурального хозяйства, отсутствие внутреннего рынка и городов не могли содействовать его устремлениям. Необходим был дополнительный фактор, способный ускорить тенденции к единению. Таким фактором должна была стать общая для всех племен идеология, способная объединить их в единое государство и стать орудием социальной регуляции взамен шаманизма, отражавшему потребности родоплеменной общности. Такой идеологией стал буддизм. Его идеи единства, гармонии и ненасилия были созвучными главным устремлениям Алтан-хана, кроме того, он стал удобным поводом для внешнеполитического диалога, в т. ч. и с Китаем.

Но своего высшего расцвета в Монголии буддизм достигает в период, когда она попала под власть маньчжуров, установивших в Китае династию Цин. Перед цинскими правителями встала задача закрепления положения в Монголии, оказывающей отчаянное сопротивление маньчжурскому господству. В буддизме они увидели, как идеологическое средство закрепления своего господства, так и средство социальной и административной регуляции. Маньчжурский император объявил себя *богдыханом* Монголии. Буддийским монастырям были не только сохранены, но и расширены все льготы, увеличивались их земельные угодья и число монахов. Буддийская церковь заняла ведущее положение среди феодальных институтов. Высшее буддийское духовенство подчиняло гражданское и военное управление на местах. Однако оно само находилось под жестким контролем маньчжуров, который осуществлялся через чиновнический аппарат. В систему бюрократического управления были вовлечены не только буддийское духовенство, но и светские лица из числа местных феодалов. Однако политический приоритет сохранялся за высшими буддийскими иерархами [Цааджин бичиг 1998: 95].

Монголия стала территорией, из которой пришел буддизм в восточную окраину российской империи – Бурятию. В окончательном становлении здесь, как и в Тибете и Монголии, сыграл политический фактор. Нельзя сказать, что отдельные бурятские роды, входившие в состав уделов монгольских феодалов, находившихся в зависимости от маньчжурских властей, не были знакомы с буддизмом, однако он не воспринимался ими как учение, соответствующее их духовным и социальным и запросам, поскольку шаманизм продолжал успешно выполнять эти функции.

Установление границ между Китаем и Россией и отторжение бурятских родов от остального монгольского мира изменило отношение бурят к буддизму. В условиях

их отторжения от остального монгольского мира буддизм становился общим связующим звеном между родственными племенами, находящимися по ту сторону границы. Поэтому по-иному воспринимались проповеди тибетских и монгольских лам, прибывавших на территорию Забайкалья для пропаганды своего учения среди бурятских родов, попавших в зависимость от царской администрации. С другой стороны, консолидирующим фактором стали мероприятия царских чиновников, которые придали бурятским родам значение административных ведомств и наметили систему административной иерархии [Ламаизм в Бурятии… 1983: 14].

Как и цинские правители, царские чиновники увидели в буддизме удобное средство закрепления своих позиций в этом регионе, который стал рассматриваться ими как средства дипломатических отношений с цинским двором, как и тот, в свою очередь, использовал буддизм по отношению к Монголии и Тибету. Как и цинские правители, российские двор, используя буддизм в утилитарных целях, оказывал ему невольную поддержку в его дальнейшем расширении и укреплении на территории Бурятии.

Ориентация царского правительства на использование буддизма в своей внешней политике на Дальнем Востоке, его инициатива по созданию буддийской автокефалии на территории Бурятии и поддержка деятельности института Хамбо-лам, способствовали тому, что буддизм приобрел духовную значимость как консолидирующий фактор бурятских родов и, в конечном итоге, стал неотъемлемой частью культуры бурятского народа, его мировоззрением и образом жизни.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.*

## Литература

*Будон Р.* История буддизма / Р. Будон // пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера; пер. с англ. А. М. Донца. – СПб., 1999. – 335 с.

*Гулгенова А. Ц.* Кунчен Жамьян Шадпа Дорже (1648–1722) в истории религиозно-философской мысли тибетского буддизма / А. Ц. Гулгенова. – Улан-Удэ, 2016. – 275 с.

*Дугаров Р. Н.* Очерки средневековой истории Кукунора / Р. Н. Дугаров. – Улан-Удэ, 2003. – 121 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 230 с.

Цааджин бичиг (Монгольское уложение). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. / пер. и коммент. С. Д. Дылыкова. – М.: Вост. лит-ра, 1998. – 342 с.

*Янгутов Л. Е.* Распространение и становление буддизма в Монголии / Л. Е. Янгутов, М. В. Аюшеева // Вопросы истории. – 2019. – № 12. – С. 274–288.

*Ruegg D. S.* The Buddhist Philosophy of the Middle: Essays on Indian and Tibetan Madhyamaka. – Boston: Wisdom Publications, 2010. – 464 p.

## References

*Budon R.* Istoriya buddizma / R. Budon // per. s tib. E. E. Obermillera; per. s angl. A. M. Donca. – SPb., 1999. – 335 s.

*Gulgenova A. C.* Kunchen Zham'yan Shadpa Dorzhe (1648–1722) v istorii religiozno-filosofskoj mysli tibetskogo buddizma / A. C. Gulgenova. – Ulan-Ude, 2016. – 275 s.

*Dugarov R. N.* Ocherki srednevekovoj istorii Kukunora / R. N. Dugarov. – Ulan-Ude, 2003. – 121 s.

Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i social'naya rol' kul'tovoj sistemy. – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 230 s.

Caadzhin bichig (Mongol'skoe ulozhenie). Cinskoe zakonodatel'stvo dlya mongolov 1627–1694 gg. / per. i komment. S. D. Dylykova. – M.: Vost. lit-ra, 1998. – 342 s.

*Yangutov L. E.* Rasprostranenie i stanovlenie buddizma v Mongolii / L. E. Yangutov, M. V. Ayusheeva // Voprosy istorii. – 2019. – № 12. – S. 274–288.

*Ruegg D. S.* The Buddhist Philosophy of the Middle: Essays on Indian and Tibetan Madhyamaka. – Boston: Wisdom Publications, 2010. – 464 p.